

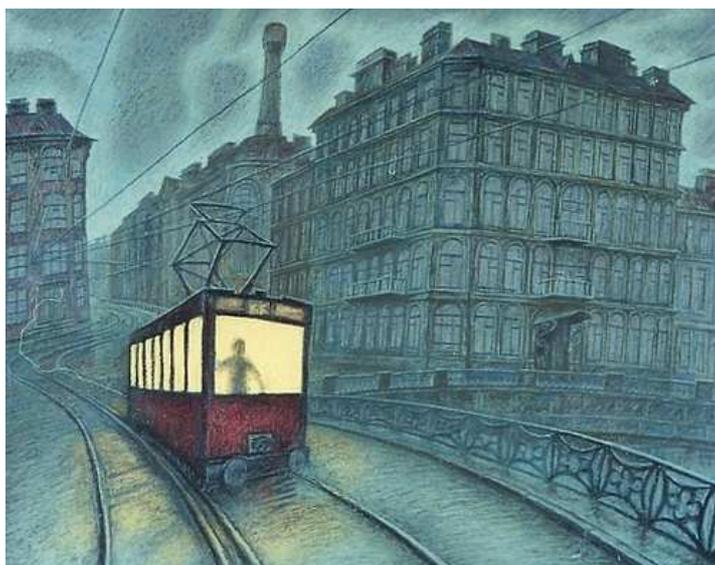
УЛИЦЫ ДЕТСТВА

На улице моей беды...

Б.Окуджава

*Длинной строкой
попытаться беду отвести –
дохлое дело! Но за неимением
лучшего – вытяни строки,
как руки – гляди:
вот ты и рядом, а вот –
безъязыкое детство.*

И.Знаменская

Как-то, беря у меня интервью, корреспондент «Саратовских вестей» И.Бакаева задала мне вопрос: какие у меня самые памятные, дорогие сердцу места в Саратове – улицы, дома, связанные с наиболее важными моментами в жизни. Тогда я не нашлась, что сказать, как-то не думала раньше об этом, да и как ответить чужому равнодушному человеку, спрашивающему тебя «для проформы»? Ведь это очень личный вопрос. А сейчас мне вдруг захотелось самой для себя на него ответить. Но вся жизнь – это слишком много. Хотя бы самое начало...

У Бога в записке есть тихие улочки детства.
От прошлых богатств они нам остаются в наследство.

Отрою в душе запорошенной тайную нишу,
заснеженных дней вереницу, как жемчуг, нанижу.

Вот улица первой песочницы, первых качелей.
Вот улица первых уроков, что мы получили.
Асфальт на квадратики снова поделенный мелом,
и целит в них камешком девочка в фартучке белом.

Ах, что там за той обозначенной мелом чертою?
Сменяются белые фартучки белой фатою.
Журавль улетает из рук, остаётся синица.
И долго ещё эти улицы будут нам сниться...

Улицы моего детства. Их несколько. Первая – Ульяновская. Тихая, солнечная, уютная, почти сплошь состоявшая из маленьких домишек и старых особняков. Наш трехэтажный дом с белыми колоннами стоял рядом с музеем семьи Ульяновых. Бабушка с дедушкой и семья моего дяди (семь человек плюс я, которую забирали родители на выходные) занимали три комнаты: одна – сравнительно просторная, вторая – маленькая и третья, где потом жили мы с бабушкой – вообще конурка. Но мне там нравилось. Зимой топились печки, было тепло и уютно. Огонь весело потрескивал, я любила его слушать и смотреть, как бабушка подбрасывает в печурку поленья. Однажды она бросила в огонь мою старую тряпичную куклу Катю, посчитав, что та слишком рваная и грязная. Как я плакала! Ведь она была для меня живая.

Я любила наш дворик, очень похожий на «московский дворик» Поленова. Здесь мы с сестрами читали на тенистых лавочках, иногда тайком лазали в соседские сады за вишнями,

зимой катались с горки на санках, лыжах. Бегали на каток в Детском парке.

Как-то взрослые решили устроить нам Новогоднюю ёлку. Подготовили праздничный стол, подарки, веселое представление с переодеванием в Деда Мороза и Снегурочку. Разрешили позвать всю окрестную детвору. Мы с сестрами прыгали от радости, веселились, были на седьмом небе от счастья. Но бабушка с дядей в разгар веселья поймали несколько ироничных высокомерно-пренебрежительных переглядываний моих подружек из семей высокопоставленных родителей. И увидели всё это их глазами: игрушки самодельные, угощение небогатое, обстановка убогая... Настроение у них было испорчено. Мне запретили приглашать их в дом. Я долго ничего этого не понимала. Никогда не оценивала людей по их имущественному положению, по должностному рангу их родителей и не признавала по отношению к себе этой оценки. У меня даже никаких комплексов по поводу всего этого не было.

Помню, в классе четвёртом у нас с одноклассницей – дочкой известного режиссёра и народной артистки – оказалось одинаковое демисезонное пальто, купленное в одном универмаге. Мне это даже показалось забавным, а она очень по сему поводу переживала. Вскоре она уже щеголяла в новом. Я же ходила в своём, кажется, года три. Как-то в компании подруг эта модница подняла меня насмех: «Смотрите! У неё всё ещё то пальто! Я уже три сменила, а она всё в одном ходит!». Наверное, любая другая девчонка в моём возрасте бросилась бы в слезах к родителям, требуя обновления гардероба, чувствовала бы себя униженной, ущемлённой. Я же только тупо уставилась на неё, искренне недоумевая, какое это всё может иметь значение.

У Давида тоже была в детстве смешная история, связанная с покупкой ему родителями нового пальто. Увидев, какое оно красивое, добротное и дорогое, он наотрез отказался идти в нём в школу, боясь стать похожим на «буржуя». Родителям так и не удалось сломить его сопротивления. И тогда мать, плюнув в сердцах, купила ему самое дешёвое «приютское» пальто, в котором Давид с удовольствием и проходил все свои школьные годы. Детям всегда хочется быть «как все». Но времена меняются, и уже в пору моего детства быть «как все» требовало гораздо больших материальных затрат.

Однако повторяю, одежда меня волновала мало. У меня были другие, более экзотические мечты. Например, в двенадцать лет мне ужасно хотелось купить барабан. Этот барабан, как сейчас помню, висел в витрине универмага: такой красивый, яркий, заманчивый и стоил целых 12 рублей! Я на него долго и упорно копила деньги, но никак не могла накопить: всё время подворачивался какой-нибудь

вкусный соблазн – и я их растрчивала. Так и не купила. А так хотелось почувствовать себя оруджавской барабанщицей с кленовыми палочками в руках!

Другая улица моего детства – М.Горького, где жили родители с братом и куда меня забирали на выходные. Этот дом – густонаселённая коммуналка – с неимоверно крутой лестницей, куда маме сущей мукой было затаскивать детскую коляску – давно уже снесён. Он стоял напротив бывшей школы № 3, где я училась (ныне – здание суда) рядом с овощным магазином № 19. А когда мне исполнилось шесть лет, наша семья переехала в особняк на Рабочей. Там, кроме нас, жили ещё одинокая интеллигентная старуха Маргарита Евгеньевна Бах и инвалид войны Айзик Маркович с женой. Меня сразу забрали с Ульяновской, так как в новой квартире были две большие комнаты и места всем хватало. Кроме того, там была большая веранда и палисадник.

Во дворе родители вывешивали по вечерам большую простыню и показывали нам и соседским детям диафильмы: «Орсо», «Дикие лебеди»... А за забором играла радиолка, там были танцы. Нам, малолеткам, туда не было ходу, но одна из самых шустреньких девчонок – Ольга – бегала на разведку в соседний двор и как-то, помню, примчалась возбуждённая, с сияющими глазами: «Ребята! Я песню новую услышала! Хотите, спою?» И, взобравшись на самый высокий пригорок, запела: «Ты сегодня мне принёс не букет из алых роз...».

Я ходила тогда в детсад на Провиантской, куда до меня ходил мой брат Лёва, а после – младший брат Стасик и все его дети. Отец чаще всего отводил и забирал меня из садика. По дороге я оживлённо рассказывала ему обо всех его обитателях, и однажды он написал газетный очерк о нашей воспитательнице Ольге Николаевне – как он уверял, «с моих слов». И все дома и в садике смеялись, что это я – настоящий автор.

Напротив детсада был дом с цветными стёклами в окне, которые я очень любила рассматривать. Они были похожи на цветные стёклышки в калейдоскопе – такая волшебная трубочка, в которой, переливаясь, сменяли друг друга причудливые узоры. Почему-то сейчас их уже не делают.

Провиантская довольно поката по направлению к Волге, и зимой она превращалась в огромную ледяную горку. Мы с Лёвкой до одурения катались там на санках. А вечерами отец читал нам рассказы Чехова. И один из них – «Шуточка» – запал в самое сердце. Герой катался там на санках с молодой девушкой с очень крутой горы. И когда санки достигали пика скорости и ветер бешено свистел в ушах, он наклонился к её уху и еле слышно сквозь шарф шептал: «Я люблю Вас, Наденька...». Она оборачивалась, пытливо

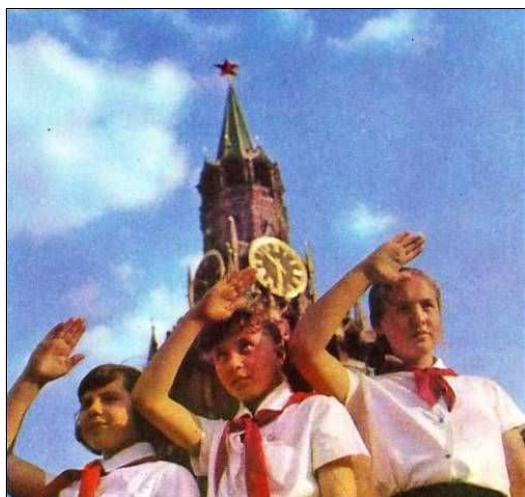
вглядываясь в его глаза, но он делал вид, что не при чём. И бедная Наденька не могла понять: сказал ли Он эти заветные слова на самом деле или ей это лишь почудилось в свисте ветра. И она снова, дрожа от страха, предлагает ему съехать с горы, и снова он шепчет: «Я люблю Вас, Надя», а потом, спустя годы, вспоминая с улыбкой наивную девушку, недоумевает, – зачем это делал. «Зачем шутил?»

Я просила отца снова и снова читать этот рассказ, и когда мы в очередной раз катались с горы на санках, невольно прислушивалась: а не шепчет ли и мне ветер эти долгожданные слова?

Я часто представляла себя мысленно взрослой женщиной – почему-то в тёмном обтягивающем свитере с комсомольским значком на груди – символ высшей зрелости. И придумывала своих будущих детей. Их должно было быть ровно двенадцать. Я чётко знала, как звали каждого, сколько им было лет, как были одеты...

Дома у меня было много кукол. Я играла с ними в разные игры, которые сама придумывала: в парикмахерскую (после чего многие из них лишались своей шевелюры), в больницу (что кончалось для некоторых ещё более чреватым для их внешнего вида хирургическим вмешательством), в школу. Последняя была моя самая любимая: я рассаживала кукол перед собой и рассказывала им всё, что накануне прочла (это, видимо, и было предтечей моих будущих лекций). Привычка говорить долго и много продолжилась в школе, и когда меня вызывали к доске, весь класс облегчённо вздыхал: это на весь урок. Значит, никого больше не вызовут.

Торжественное событие детства – приём в пионеры. Меня переполняло чувство гордости за свой новый статус, и хотелось что-нибудь такое совершить, некий подвиг, подобно пионерам-героям. Накануне я начиталась книжек Тендрякова (типа «Чудотворная») и была яркой атеисткой. И задумала безумный поступок: пойти в церковь, встать там на какое-нибудь возвышение, взмахнуть красным галстуком и крикнуть: «Бога нет, товарищи!» После этого, как мне

представлялось, на меня набросятся мракобесы-баптисты и растерзают, но я пострадаю во имя истины. Что-то мне помешало осуществить эту бредовую затею, кажется, кто-то отговорил.

Но жажда романтики не оставляла, и в 3 классе я подбила трёх своих подружек «убежать из дома». «Давно, усталый раб, замыслил я побег...». Идея понравилась. Неделю запасали продукты: утаивали яички, сухарики, кто что мог, и в назначенный день и час

все, крадучись, вышли из дома и встретились в точке «х». Но вот куда именно бежать – как-то не продумали. Потоптавшись немножко, побрели гурьбой к Волге. Там побродили туда-сюда, вскоре проголодались, расположились на газоне Набережной и с аппетитом поглотили все наши запасы. Ближе к обеду, не стовариваясь и стараясь не смотреть друг на друга, потянулись домой. Это было субботнее утро, никто из родителей ничего не заподозрил, гуляем и гуляем. Так бесславно закончился этот трусливый «побег».

С 1-го класса я жила уже на другой улице – Советской. Точнее, дом этот (№ 18) располагался одновременно на трёх улицах: Советской, Горького и Пушкинской. Всё отрочество и юность прошли на Пушкинской. Там играли в классики, бадминтон, там жили две мои лучшие подруги, там я встретила свою первую любовь (того самого «Оленёнка-соколёнка»).

А на Пушкинской нашей улице
всё пушисто от тополей.
Дом твой старенький там сутулится,
и от окон его светлей.

И долго ещё, когда я подходила к этой улице, у меня начинало учащённо биться сердце.

Улица так тиха,
что слышно, как бьётся сердце.
Как будто в забытый храм
сейчас отворится дверца.

Знакомый дом-теремок,
крылечко, резные ставни...
У горла застыл комок,
и ноги ватными стали.

Как будто я снова – та,
и всё будет как и прежде...
Улица так пуста,
что нет никакой надежды.

В 5 классе я подружилась с «уличной» девочкой, с которой мне дома запрещали общаться. Но запретный плод всегда сладок, и я стала встречаться с ней тайно. До неё я была домашним ребёнком, жила в некоем дистиллированном книжном мире. И вдруг узнала настоящую жизнь. Она открыла мне мир чужих дворов, подворотен, задворок и окраин Саратова, всяческих проказ, шкод, игр, приключений. Мы сбегали с уроков, садились на троллейбус и уезжали «на край света» – так называли мы какую-нибудь конечную остановку. И бродили там по незнакомым местам, открывая для себя новые уголки и закоулки города. Хулиганили: звонили в двери чужих квартир и убегали, цепляли липучки к задам прохожих. Высший класс заключался в том, чтобы прилепить незаметно липучку с как можно более длинным стеблем, желательнее с корнем и комочком земли на нём, так, чтобы человек стал как бы хвостатым. Иногда нас пытались поймать на месте преступления, мы вырывались, убегали, прятались – это был такой адреналин!

Улицы детства... Магазины детства... Любимый был напротив старого кинотеатра «Пионер», где отец покупал мне стакан томатного сока (никаких других соков я не признавала) и пирожное. Пирожные эти автоматически спускались сверху в таких металлических ячейках-формочках, когда в щель бросишь монетку. Но пирожные там были разных сортов, и когда однажды ко мне спустилось не то, коего жаждала моя душа, а то, моё, стало спускаться ниже, куда-то в недра агрегата, я с воплем ухватила его за край. Руку защемило, пришлось останавливать автомат. Похожий случай был в цирке, когда мне было три-четыре года. Клоун кинул мне мяч, который я должна была бросить ему обратно, как все другие дети. Но я вцепилась в этот мяч мёртвой хваткой, решив, что клоун мне его подарил, и не отдавала, как меня ни уговаривали. А когда отняли – подняла жуткий рёв, так что пришлось покинуть представление.

Ещё был любимый магазинчик где-то на Горького ближе к Рабочей, где мы с мамой, забиравшей меня из детсада, покупали по дороге домой щуку в томате и ореховую халву в жестяных баночках. Ничего вкуснее я, казалось, не ела. Сейчас и щуки не те, и халва совсем другая... В далёком детстве остались и сахарные липкие «снежки», и леденцовые петушки на палочках, и прыгающие мячики на резинке, и мыльные пузыри, пускаемые с балкона на головы прохожих, и голубой деревянный обруч, который так весело было палочкой гонять по двору. «По дорожке, по бульвару, по всему земному шару...».

Каким огромным тогда казался мне этот двор на Советской! Это был целый мир, государство в государстве. Как-то проходила мимо,

заглянула: боже мой, что от него осталось! Какие-то мусорные баки, ящики... Какой он стал маленький, убогий. Или это тогда он лишь казался мне большим? Как в фильме «Когда деревья были большими».

«Не надо приходить на пепелища», – писала И.Снегова. Но я пришла. Когда-то здесь, в этом подвальчике, был клуб. Вечерами в нём собирался чуть ли не весь двор: кто-то играл в шахматы-шашки, настольные игры, кто-то смотрел телевизор (тогда он был далеко не у всех). При этом клубе существовала «детская площадка» – то есть группа детей из окрестных домов, остававшихся на лето в городе, с которыми занималась за небольшую плату какая-нибудь пенсионерка: разучивала с ними песни, танцы, ставила спектакли, водила их в кино, в театр, в планетарий. Я была постоянным членом этой «детской площадки». Мы выступали со своими концертными программами в Липках, в Детском парке, в ГПКиО. Нам вручали какие-то призы, подарки, книжки.

Куда всё это ушло? Как сон улетучилось... «Где-то есть город, тихий как сон, пылью тягучей, по грудь занесён...». Но билетов нет. «Цирк сгорел и клоуны разбежались». «Ах, мой милый Августин, всё прошло, прошло, прошло!»

Зачем я вспоминаю всё это? М.Волошин в «Истории моей души» писал: «Всегда надо в себя смотреться – что там, не заржавело ли что из чувств?» И чтобы не заржавело – надо время от времени прочищать этот внутренний механизм души, памяти.

В памяти окно протаю снова:
заструится поднебесный свет,
и увижу мальчика родного
в человеке неизвестных лет.

Так, бывает, в улице нездешней
вдруг узнаешь прошлого черты.
Будто бы в далёкой жизни прежней
здесь уже жила однажды ты.

